

От «Капитала» до будуара Партийная дезорганизация и партийная литература

Ли́за Новикова |

РОМАН «2017» Ольги Славниковой получил в свое время премию «Русский Букер». Это было далеко не первое напоминание о символической дате, да и писательское предупреждение о том, что в революцию можно «заиграться» не претендовало на оригинальность. Однако в этом романе не предавали анафеме 1917-й, а заодно с ним и 2017-й. С тех пор действительно все больше авторов, готовых «сердцем слушать революцию», стали конкурировать с теми, у кого она «в печенках».

Опыт плодовитого Александра Проханова уже сигнализировал им о том, как писать не надо. Его протестные рулады завораживали новичков, но в соотв. раз слушать про то, как «огненный ангел» обрушится на грешный «город золотых унитазов», становилось все утомительнее. Новым писателям предстояло конкретно указать, как именно звали «ангела» и каким оружием громили унитазы. Нижегородцу Захару Прилепину стоило лишь застолбить тему и, слегка с вывертом, назвать своего революционного героя «Санькя». Прилепин словно осторожничал, подражая то деревенской прозе, то передовицам оппозиционных газет. Поэтому его бедный Саша Тишин и стал потом удобной мишенью для критики. Тем не менее с легкой руки Прилепина «Революция» вновь стала брендом. Сам он составил одноименный сборник, куда включил, правда, тексты о других революциях. Риторикой при этом воспользовался опять же прохановской: «Сколько бы крови и ужаса ни приносили революции, жажда к ним неистребима: как жажда к воде, как жажда к деторождению, как жажда к Царству Божию на земле».

Такой довольно абстрактно понятой идее революции последние годы торопиться присягнуть многие авторы. В повести Натальи Ключаревой «Россия. Общий вагон» важно именно настроение страда-

ния. Ее герой, возродивший «странность» князя Мышкина, наивно пытается помочь окружающим его несчастным людям. Кажется, сама Ключарева еще не совсем поняла, чем обернется для ее персонажа эта честность, а тот уже чуть ли не обматерил самого президента. Когда повесть вышла в книжном варианте, издатели заменили «президента» на «подполковника». Жалостливый персонаж Натальи Ключаревой, пожалуй, исключение из правил: революционные герои чаще выходят к нам запятнанные кровью. Максим из романа-комикса Олега Лукошина «Капитализм» убивает своего брата: «Один из нас должен исчезнуть. Должен остаться либо я, либо капитализм». Правда, этот браткапиталист до этого принес в жертву своим нехорошим убеждениям их сестру. Но за ритуальными убийствами сразу приходит та самая революция, так что обдумать семейную драму времени не остается, это же «комикс»: «Не будет больше эксплуатации! Новый мир будем строить! Свободный, справедливый! Господи, какая же жизнь сейчас начнется!» И тут, как и у Прилепина и Ключаревой, в финале упоминают Бога. Так и хочется поправить молодого автора: «Не Господи, а советская власть!»

Протестный разговор требует новых эстетических решений, — об этом догадываются все отважные авторы, решившиеся затронуть революционную тему. Прямо на наших глазах создается монтаж из разных стилей Сергей Шаргунов в повести «Птичий грипп»: новая краска — для каждого из представителей политической палитры, с которым встречается его герой, бесцветный социолог, готовый «перекраситься» хоть в «несогласный» красный, хоть в официальный «бесик». Герою можно и подумать порешать, но вот некоторая писательская неуверенность моментально фиксируется на бумаге. Эта, в принципе, понятная рас-

четливость объединяет многих сочинителей. Они хотят перемен, но скорее потом, может, в 3017-м, а пока им гораздо интереснее зафиксировать здесь, продолжить исследование этого мира, пусть на словах они его и заклеили.

Возможно, писателям и не стоит слишком мучить себя поисками нового слова, потому что эстафету уже перехватили художники, работающие на грани разных жанров, разных видов искусств. То, что такие авторы и объединения, как «Война» или поэт Илья Фальковский и «ПГ», сейчас подвергаются преследованиям со стороны власти, как раз очень показательно. Но и у приверженцев традиционной прозы все равно остается шанс. В ожидании новых шедевров читатели заговариваются нон-фикшн. Кто-то, подобно герою Олега Лукошина, ходит с «Капиталом» Маркса, кто-то предпочитает более современных публицистов вроде Наоми Кляйн.

А пока самым свободным из «революционно настроенных» писателей оказывается Сергей Жадан. Он сочиняет свободную, незажоренную, по-настоящему европейскую прозу. Но он украинец, просто переводы его книг «Anarchy in the UKR», «Красный Элвис» идеально вписались в российский литературный контекст 2010-х. Есть и еще один пример последовательного, а оттого и эстетически цельного автора — Эдуард Лимонов. Его последний поэтический сборник «К Фифи» с виду — куртуазная лирика, безделица, созданная, чтобы лежать где-нибудь на розовом тюфячке в полутемном дамском будуаре: «Вы деловиты и развратны / Вы бизнес-woman, аккуратны / Верхи хотят, хотят низы / Как и в библейские разы». Для известного своей наэлектризованной политизированностью автора эротика — это последняя возможность пробудить апатичного читателя, напомнить ему, что желание изменить жизнь, как и некоторые другие желания, требуют немедленного действия «здесь и сейчас».

